

*А. Г. ЗДРАВОМЫСЛОВ,
С. Я. МАТВЕЕВА*

Межнациональные конфликты в России *

Межнациональные конфликты и российская государственность

Строительство новой государственности — дело гораздо более сложное, нежели разрушение союзного государства. Проект Содружества Независимых Государств, которое должно было бы сохранить позитивные моменты, оставшиеся от СССР, оказался фикцией. Каждое из вновь возникших государств озаботилось прежде всего своими собственными проблемами. Новое руководство пыталось изыскать внутренние ресурсы для самостоятельного развития вновь возникших стран, опираясь на концепции экономической самостоятельности и политического суверенитета. При этом в реализации реформ, направленных на демократизацию и развитие рыночных отношений, наблюдается весьма большое разнообразие: от туркменского до грузинского вариантов.

Российские власти столкнулись с наиболее сложными проблемами государственного строительства прежде всего в силу разнообразия российских условий многонационального состава населения и весьма большой напряженности между Центром и регионами. Однако главная трудность, на наш взгляд, заключается в отсутствии концептуальной проработки вопросов государственного строительства, в том числе и в недостаточном понимании роли государственной власти в регулировании межнациональных конфликтов.

Как известно, Россия в лице своих политических лидеров выступила одним из инициаторов распада СССР. Демократическое крыло инициировало и приветствовало эту акцию, апеллируя к историческому опыту распада мировых империй и выдвигая соображения об экономической пользе такого рода освобождения для российской экономики, якобы скованной обязательствами по отношению к более слабым в хозяйственном отношении республикам.

В борьбе против союзного государства и его первого президента руководство России выдвинуло лозунг «берите столько суверенитета, сколько сможете переварить». Этот же лозунг использовало и союзное руководство в борьбе с российской центральной властью: играя на повышении статуса российских автономий, оно пыталось найти здесь опору против команды Б. Ельцина.

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда

Здравомыслов Андрей Григорьевич — доктор философских наук, директор Центра социологического анализа межнациональных конфликтов Российского независимого института социальных и национальных проблем (РНИС и НИ). Специалист в области теоретической и практической социологии.

Матвеева Сусанна Яковлевна — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник РНИС и НИП. Специалист в области российского социокультурного развития.

Развернувшаяся борьба содействовала выдвижению новых кадров региональной элиты и была использована, в частности, генералом Д. Дудаевым, провозгласившим государственный суверенитет Чечни по отношению уже не к Союзу, а к России. Дальнейшее поддержание упомянутого лозунга после распада СССР оборачивалось против целостности самой России. Вместе с тем даже после принятия новой Конституции Российской Федерации содержание лозунга суверенизации не было критически переосмыслено в выступлениях политических лидеров страны. На первый взгляд, это может показаться случайностью, но в действительности речь идет о существенных дефектах политического мышления, не способного точно определить момент смены устаревшего политического лозунга и в силу этого воспроизводящего хаос в массовом сознании и в общественном мнении.

Казалось бы, демократизация общества, поддержанная подавляющим большинством населения, должна была бы содействовать выработке более эффективной политики, учитывающей состояние общественного мнения и завоевывающей все более существенные позиции в массовом сознании. Однако этого не произошло. Уровень осмысления происходящего оказался не адекватным степени сложности задач реформирования общества. Поэтому многие процессы развивались в стихийно-инерционном плане. Они не корректировались с точки зрения государственных интересов. Более того, предпринимаемые политические акции организовывались и строились таким образом, что их реальный результат оказывался прямо противоположным намерениям, во имя которых осуществлялась соответствующая акция. Практическим выражением слабости политического осмысления процесса государственного строительства является отсутствие четко обозначенных приоритетов в политике в целом, в том числе и национальной. А без этого невозможно добиться «рамочного консенсуса» в обществе, представляющего необходимое условие политической стабилизации.

Массовое политическое сознание стихийно ищет новую идентичность, которая должна была бы прийти на смену идеологической компоненте в его структуре. Самым простым ответом на потребность рационализации связей между индивидом и обществом в условиях краха социалистической идеологии оказывается национально-этническая идентификация. Но этот самый простой ответ одновременно и самый сложный, так как национальная идея сплачивает лишь часть общества, противопоставляя ей иные этнонациональные группы. Такая линия развития весьма опасна именно для России — многонационального и многоконфессионального сообщества. Курс же на формирование национального государства, к которому склоняются некоторые влиятельные политики и эксперты, означает стремление к краткосрочному выигрышу при игнорировании проблем долгосрочного характера.

Более эффективный путь государственного строительства, находящий очень слабую поддержку в практической политике, состоит в кропотливой работе по упрочению реальных институтов «промежуточной» власти, рассматриваемой как в региональном, так и в институциональном планах. Объединить российское общество возможно, по нашему мнению, не путем возврата к новым идеологическим доктринам, а с помощью организации законопослушной деятельности, основанной на сочетании материального интереса и уважения к нравственным нормам общечеловеческого характера.

Сегодня нет более важной задачи, чем консолидация населения России в новое общество и новое государство. Новые нормативные представления о характере современного российского общества и государства сформированы достаточно определенно и на уровне общих идей, и в принятых государством важнейших документах, прежде всего в Конституции Российской Федерации, и в этом смысле можно говорить о том, что самые общие цели общественного развития поставлены. Однако они, во-первых, абстрактны, что допускает возможность существования разнонаправленного спектра их интерпретации, а во-вторых, общество до сих пор вокруг них не объединилось. Общий фон восприятия населением начального пункта строительства

российской государственности связан с процессами распада СССР. Правительство и президентская власть не находят в этом кардинальном пункте своей политики солидной и массовой поддержки. Лишь 14,7% опрошенных поддерживают официальную трактовку распада СССР и около трети пытаются рассуждать «диалектически», усматривая в свершившемся и хорошее, и дурное. Для 10,9% распад СССР стал катастрофой мирового значения, а для 35,1% — «бедой многих людей»¹.

При решении важнейших вопросов российской государственности власть вынуждена была двигаться против течения. Причем, судя по официальным декларациям и заявлениям государственных деятелей различного уровня, данная ситуация не осознается самими политиками. Это и порождает неясность в национальной политике России и ее шараханье из стороны в сторону.

Практическая политика российских властей строится не на основе решения конструктивных задач, способствующих объединению людей различных идеологических ориентации в общем деле, а на базе постоянного противопоставления России Советскому Союзу, и в особенности горбачевскому политическому режиму. В области национальных отношений действие «принципа» стало особенно заметным в связи с принятием закона о репрессированных народах, формулировки которого породили неопределенность ситуации, в итоге вызвавшую национальную напряженность. Здесь во многом кроются причины разжигания осетино-ингушского конфликта.

Осмысление задач строительства собственно российской государственности дается чрезвычайно трудно как на уровнях политического руководства, так и в сознании граждан. Весной 1994 года выбор в пользу гражданства России в сопоставлении с гражданством СССР делали 54,1% опрошенных, против — 10,4%. Вместе с тем более трети респондентов, отвечая на вопрос «кем вы ощущаете себя сегодня?», признавались: «Сам не знаю кем».

Из-за несформированности российской государственности, неопределенности интересов в этой сфере складывается ситуация, когда политический аспект начинает доминировать над всем остальным. Значимость политических и административных решений гипертрофируется, они принимают на себя груз отношений и решений остальных типов. Подобное положение означает, что власть вынуждена замещать слабость культурных, социальных и идеологических интеграторов организационными средствами. Если первых двух не хватало и в эпоху советской власти, то последние, т. е. идеологические, несли там колоссальную нагрузку, поддерживая и укрепляя политические, административные решения.

Кроме того, из-за отсутствия консенсуса в обществе открывается путь развязывания конфликтов разных типов, включая этнонациональные. Активные группы населения постоянно сталкиваются из-за острых проблем социально-экономической реформы, конкретных политических решений, в том числе в области национальной политики. Даже в случае политической демобилизации, видимой индифферентности общество остается особенно чувствительным к политической, административной сфере общественных отношений. Результатом являются высокий уровень нестабильности, снижение порогов устойчивости общества, особенно в условиях накопления большого числа неразрешенных проблем. Этнонациональная сфера, в том числе этнонациональные конфликты, также начинают в определяющей степени детерминироваться политическими решениями, зависеть от них.

Следует признать, что между конфликтами, подрывавшими основы союзного государства, и конфликтами, направленными против новых государств, имеется принципиальное различие. Первые содействовали демократическим процессам и являлись составляющей этих процессов. Вторые, по сути, оказались направленными против новой государственности, новых, еще не окрепших политических и

¹ В статье использованы данные опроса, проведенного весной 1994 года Центром политического мониторинга РНИС и НИП.

экономических институтов. Наряду с изменением смысла лозунга суверенизации коренным образом изменилась и трактовка задач строительства новой государственности. В практике российской политики возникла дилемма: либо Российское государство сумеет самоопределиваться в качестве культурного и политического единства на основе общественного договора со своими гражданами, либо возобладают авторитарные формы и способы правления, которые выступят по отношению к народам, населяющим Россию, в качестве новых форм имперского, насильственного правления. Несомненно, реставрация имперской государственности будет сопряжена с теорией и «практикой» изоляционизма. Такой вариант интерпретации государственных интересов и методов их реализации приведет к дальнейшему отторжению страны не только от новых независимых государств, но и от европейского и мирового сообщества, к которым Россия начала приближаться на основе внутренних демократических преобразований. При этом национальные конфликты, игравшие роль важнейшей пружины при распаде СССР и на определенном этапе содействовавшие демократическим процессам, не получат нормального разрешения. Они будут либо вновь загнаны внутрь, либо приобретут еще большее распространение и насильственные формы.

Внутрироссийские межнациональные конфликты

Межнациональные конфликты в России разворачиваются отнюдь не на всем пространстве страны, и даже не во всех районах межнационального расселения. Если мы обратимся к карте административного деления Российской Федерации, то увидим, что из 89 ее субъектов 57, т. е. подавляющее большинство, не содержат в своем названии никакого национального элемента. Остальные территории — их 32, в том числе 21 республика, 10 автономных округов и 1 автономная область — сильно различаются между собой как количественными пропорциями проживающих на этих территориях национально-этнических общностей, так и характером взаимоотношений между ними. В семи субъектах Федерации титульные национальности представлены меньшей частью населения (до 15%), еще 11 территорий имеют в своем составе от 15% до 33% населения, принадлежащего к титульной национальности, 4 республики представляют собой смешанный тип расселения, характеризующийся тем, что здесь нет заметного преобладания какой-либо национальной группы (размытый или биполярный вариант расселения), и, наконец, 10 субъектов Федерации характеризуются явным преобладанием титульной национальности над русскими. При этом открытые конфликты касались только трех субъектов Федерации: Чечни, Осетии и Ингушетии.

Татарстан, Тува, Дагестан, Кабардино-Балкария, республика Саха (Якутия) относятся к числу территорий, где имела место напряженность в национальных отношениях. Однако она не переросла в открытый конфликт с насильственными действиями сторон. Конфликтность и напряженность определенным образом локализованы. В этом смысле они носят ограниченный характер. И даже в регионе наибольшей напряженности межнациональных отношений (Северный Кавказ) конфликт разворачивается не повсеместно.

Если двигаться с запада на восток, то можно заметить следующее: образование республики Адыгея (в октябре 1991 года с последующим закреплением этого решения в Конституции России) способствовало смягчению национальной напряженности не только в масштабах Краснодарского края, но и во всем северо-кавказском регионе. Некоторая напряженность имеется в Карачаево-Черкессии и Кабардино-Балкарии. Далее следует зона конфликта между Осетией и Ингушетией, принявшего насильственную форму осенью 1992 года. Восточнее Ингушетии разгорается чеченский кризис. В многоэтническом Дагестане имеются очаги национальной напряженности, связанные с расселением лезгин и чеченцев-акинцев, не перерастающие в открытый конфликт. Ситуацию в Калмыкии можно оценить как сравнительно спокойную. Большую конфликтогенную роль в этом регионе может играть при соответствующих обстоятельствах фактор казачества,

которое составляет значительную часть населения Краснодарского и Ставропольского краев и Ростовской области — традиционных русских областей Северного Кавказа, а также ряда республик.

Содержательный анализ конфликтов в пределах России позволяет сгруппировать их в три основных типа:

— конфликты, доминирующую роль в которых играют территориальные притязания. Они касаются соседствующих народов и этнических групп и могут приобретать весьма острый характер. Наиболее явный пример конфликта такого типа — осетино-ингушский. Напряженность в связи с территориальными спорами имеет место и в Кабардино-Балкарии;

— конфликты, вызванные требованиями выхода из России и полной государственной самостоятельности. Такого рода конфликты называются «сепаратистскими». Здесь наиболее ярким примером является Чечня. Сепаратистские тенденции имели место и в Татарстане до заключения договора о разграничении полномочий между федеральными и республиканскими властями. За пределами России к конфликтам такого же типа можно отнести грузино-абхазский и приднестровский;

— статусные конфликты, в основе которых лежит желание расширить административно-управленческие полномочия в соответствующем регионе. Такой конфликт может быть и не связан с национальными интересами каких-либо этнических образований. Национальный аспект здесь раскрывается лишь в отношении к проблеме целостности России и признания (или непризнания) авторитета Российской Федерации. Примером такого конфликта может служить попытка провозглашения Уральской республики.

Краткий обзор сложившегося положения позволяет сделать вывод: конфликтность не является доминирующей чертой межнациональных отношений в Российской Федерации. Однако межнациональные отношения — легко воспламеняющийся материал. Зоны напряженности при сравнительно небольших ошибках способны быстро трансформироваться в зоны конфликтов, и если в этих конфликтах применяется насилие, то неизбежно возникновение кризиса, который может приобрести затяжной характер.

Ощущаемой взрывоопасностью межнациональных отношений объясняется серьезная озабоченность общественного мнения национальными конфликтами. Это проявляется практически во всех опросах. Такая реакция обусловлена, на наш взгляд, не только оценкой конфликтности национальных отношений в России, но и представляет собой реакцию на распад СССР под ударами суверенизации составлявших его республик. При этом выяснилось, что суверенизация и провозглашение полной независимости не привели к решению национальных конфликтов, возникших еще в период существования Союза. Россия, имея внутри себя регионы национальной напряженности и конфликтности, оказалась окруженной почти по всему периметру старыми и новыми конфликтными зонами. И в суждениях об особой опасности межнациональных конфликтов для ближайшего будущего России содержится указание не только на негативные смыслы собственно внутророссийских конфликтов, уже обнаруживших свою силу, но и конфликтов по периметру России. Каждый из них может стать источником деструктивных тенденций для всего постсоветского пространства, а следовательно, и для России.

Важно также учитывать, что значение существующих конфликтов и напряженностей определяется не их массовостью и повсеместностью, а прежде всего тем, что вспыхнувший межнациональный конфликт, даже если он возникает в одной точке, становится огромным дестабилизирующим фактором. Как правило, последствия такого конфликта касаются не только данного региона: он задевает все федеративное устройство России и в силу этого приобретает политическое значение.

По сути, эти идеи разделяют и респонденты нашего социологического опроса. Чтобы выяснить, как они оценивают значимость межнациональных конфликтов

для Российского государства, мы попросили оценить две противоположные точки зрения. Первая — «межнациональные конфликты не представляют собой большой опасности для России». С этим мнением согласились 13,5% опрошенных, не согласились — 55,6%, а затруднились ответить 12,4%. Вторая точка зрения была сформулирована следующим образом: «Дело идет к тому, что межнациональные конфликты могут привести к развалу Российского государства». Это подтвердили 62,6% респондентов, отвергли 14,2% и столько же затруднились ответить.

Анализируя эти данные, на наш взгляд, следует внимательно отнестись к тем 13,5% респондентов, которые избрали суждение о том, что межнациональные конфликты не представляют собой опасности для России. Как ни странно, это суждение, хотя и поддерживаемое меньшинством и кажущееся противоречащим очевидным фактам, гораздо более взвешенно. Вполне логично допустить, что большая часть респондентов, избравшая именно эту оценку межнациональных конфликтов, имела в виду, что сами по себе они не играют решающей роли, а лишь используются в качестве средства для решения вопросов иного характера, не выступающих на поверхность с такой же очевидностью, как национальные противоречия. О справедливости именно такой интерпретации данной позиции свидетельствует распределение ответов на другой вопрос той же самой анкеты о причинах межнациональных конфликтов. 8,3% опрошенных полагают, что межнациональные конфликты неустранимы, так как вся история — это борьба между собой различных этнических групп. 9,7% связывают их с наследием СССР и КПСС, используя классическое идеологическое клише. Мнение о том, что межнациональные конфликты провоцируются местными политиками, а сами люди, принадлежащие к разным национальным группам, могут жить между собой вполне мирно, разделяют 51,1% опрошенных. Версию же о провоцировании межнациональных конфликтов центральными властями поддерживают 19,3% респондентов.

Как видно, большая часть населения склонна усматривать причины межнациональных конфликтов в происках местной и центральной политической элиты. При этом мнение об ответственности местных политических лидеров за разжигание национальных конфликтов оказалось в два с половиной раза более распространенным в сравнении с обвинениями в адрес центральных властей. Важно обратить внимание и на тот факт, что 13% респондентов признались в собственной некомпетентности и нежелании высказываться по столь важному вопросу государственной политики.

Ближайшим следствием национально-этнических конфликтов, развернувшихся как в СССР, так и в России, оказалось возникновение проблемы беженцев и вынужденных мигрантов. Сотни тысяч людей были вынуждены покинуть места проживания из-за опасений за свою жизнь и жизнь своих близких. Многие были изгнаны из своих сел и городов как инородцы либо средствами прямого насилия, либо путем создания атмосферы, невозможной для нормальной жизни. При этом Россия оказалась страной, в которой находили убежище не только русские, но и представители всех национальных групп, попавшие в безвыходное положение в прежних местах своего проживания. Массовые потоки беженцев представлены армянами из Азербайджана, турками-месхетинцами из Узбекистана и Казахстана, таджиками и русскими из Таджикистана, осетинами из Грузии, грузинами из Абхазии, русскими из стран Балтии, ингушами из Осетии, а с конца 1994 года — русскими и чеченцами из Чечни.

Официальная статистика свидетельствует о росте потока беженцев и вынужденных переселенцев. Так, только за один 1993 год он увеличился со 160 тыс. до 448 тыс. человек, т. е. в 2,8 раза. При этом наиболее значительны потоки из Таджикистана, Грузии, Азербайджана, Узбекистана, Киргизии. Нельзя не отметить и существенных внутрироссийских миграционных потоков.

Важно также учитывать, что официальные данные существенно занижены, так как далеко не все лица, выбирающиеся из зон насильственного конфликта и национальной напряженности, регистрируются в органах миграционной службы.

Кроме того, за 1994 год число беженцев и вынужденных мигрантов возросло и достигло, по некоторым оценкам, 1,5 млн человек. Сопоставление потока беженцев с проживавшим в 1989 году русским населением в соответствующих республиках СССР показывает, что наибольшая напряженность в национальных отношениях обнаружилась уже к началу 1994 года в трех главных точках: в Таджикистане, который покинула примерно третья часть русскоязычного населения, в Грузии и Азербайджане, откуда выехала примерно четвертая часть этого населения.

С конца 1994 года возник массовый поток беженцев из Чечни. Справедливости ради надо отметить, что и до начала военных действий из Чечни выехало много русскоязычных. Но с вводом войск в Чечню поток беженцев стал массовым. Причем в Федеральную миграционную службу обращались люди разных национальностей: русские, ингуши, чеченцы.

Русское национальное самосознание

Национально-этническая напряженность в России, а в какой-то мере и во всем постсоветском пространстве в значительной мере определяется тем, как и в каком направлении развивается собственно русское национальное самосознание.

Всякое национальное самосознание включает в себя весьма сложные, нередко взаимоисключающие элементы, представляющие собой, с одной стороны, различные способы и структуры национальной самоидентификации, а с другой — разнообразные варианты восприятия и оценки иных национальных общностей. Иными словами, в национальном самосознании «мы» постоянно соотносится с «они», и лишь через него национальные самоидентификации приобретают определенный смысл. При этом характер соотношения «мы» и «они» не остается неизменным и во многом определяется реальными межнациональными связями и контактами.

Традиционная характеристика русского национального самосознания была связана с тем, что русское «мы» не содержит в себе сильно выраженного нормативного элемента солидарности. В истории, как и в современной политической практике, чаще наблюдается раскол русского самосознания, принимающий подчас весьма ожесточенные формы.

В отличие от англичан, русских не объединяла идея цивилизаторской миссии даже по отношению к тем народам, которые входили в состав Российской империи. В отличие от немцев, они не признавали приоритета государственного начала, а, скорее, были склонны к анархии и самоуправлению, доходящему до самоуправления. В отличие от американцев, русские не были вновь сложившейся нацией, противопоставлявшей себя «старому миру» на основании новых форм демократического устройства. В отличие от японцев, им не присуще чувство иерархической зависимости и дисциплины в рамках организации.

Нормативно-солидаристское содержание национального самосознания проистекает из двух возможных причин. Либо это результат переживания угрозы самому существованию данной нации (евреи, армяне), либо результат модернизирующей роли по отношению к другим народам (англичане, американцы). В том и другом случае на первый план выходят политические силы, формулирующие идеологию и мораль, основанные на общности национальных интересов и организующие социальный контроль за выполнением соответствующих нормативных предписаний.

В истории русского народа можно наблюдать действие всех названных обстоятельств, но в весьма своеобразной форме. Существование русских ставилось под угрозу несколько раз со времен татаро-монгольского ига. Всякий раз эта угроза преодолевалась ценой огромных жертв и усилий, превращающихся в объединяющие символы русской нации и русского народа. Именно эти самозащитные — а не конструктивно-созидательные — моменты играли решающую роль в формировании русского «мы». Отсюда ведет свое начало идея жертвенности как

едва ли не специфическая черта русского национального характера, сопряженная с уверенностью в неистребимости русского народа.

Несомненно и действие другой причины. Русские были и остаются интегрирующим народом: именно их язык стал языком межнационального общения для множества населяющих Россию и СНГ наций и этнических групп. Однако политический фактор в истории России действовал при формулировании национальных интересов не напрямую, как это было при возникновении и становлении государств-наций в Западной Европе, а косвенно, прикрываясь некоторой идеологической доктриной. В случае с Российской Империей то была идеология православия, в случае с Советским Союзом — идеология пролетарского интернационализма.

Совокупный итог действия указанных причин привел к тому, что русские, особенно в советский период, не придавали особого значения собственной национальной принадлежности. Даже тот факт, что именно русский народ внес решающий вклад в победу над фашистской Германией, не стал основанием для упрочения национальной солидарности и тем более для культивирования националистических умонастроений в обществе: официальная пропаганда оперировала категорией «советский народ» как новая историческая общность людей.

Волна демократизации внесла существенные коррективы в формирование образа «мы—русские». Появились публикации, согласно которым это «мы» якобы содержит в себе «имперское сознание», что русские в других республиках, и прежде всего в Прибалтике,— это «оккупанты». Кроме того, были обнародованы утверждения, что в русском самосознании неистребим дух тоталитаризма и раболепства, поскольку именно русский народ поддался на обман своей интеллигенции в 1917 году и поэтому не только терпел сталинский политический режим, но и стал соучастником его кровавых преступлений. Быть русским стало тяжело: нужно было либо брать на себя ответственность за все, что было за 70 лет Советской власти, либо отрешившись от собственной истории.

В то же время важным моментом в развитии русского самосознания в условиях демократизации стало преодоление «красно-белого» раскола, связанное с включением в сферу общения и осмысления зарубежной русской диаспоры вместе с ее колоссальным культурным наследием. В значительной мере «поручик Голицин и корнет Оболенский» определили вектор движения национального самосознания.

Но все эти взятые вместе процессы, по сути, означают глубокий кризис русского национального самосознания, осмысления русского «мы». Это «мы» уже готово было вернуться к неким почти доисторическим формам либо раствориться полностью в общедемократических модернизационных процессах, если бы не некоторые политические обстоятельства, связанные с необходимостью формирования российской государственности. Они переориентировали проблемы русского национального самосознания. Во-первых, угроза распада российской государственности после краха СССР привела к поиску новой идеологической конструкции, которая смогла бы сыграть роль объединяющего начала. Во-вторых, изменение международной ситуации в целом привело к новой постановке вопроса о роли России, российской политики и российской культуры как компонентов политики и культуры мировой. В практике международных отношений появились тенденции игнорирования России, оспаривания ее статуса великой державы и стремления использовать в своих целях сложившуюся в стране экономическую ситуацию. Такого рода давление не могло не породить обратной реакции, выразившейся в формах как мягкого, так и жесткого национализма.

Подобные тенденции опираются на достаточно богатое наследие: дореволюционная Россия знала и государственный, и бытовой национализм. Он выражался в различных формах: от признания нерусских национальностей «инородцами» до еврейских погромов и жестокого подавления восстаний как в европейской, так и в азиатской частях империи.

В советский период, особенно после войны, государственный и бытовой

национализм проявился вновь. Прежде всего существовал скрытый национализм в официальных структурах власти, включавший в себя неофициальную реакцию на интернационализм как на чисто идеологический казус. Практическая политика, и в особенности кадровая, не могла не учитывать национального состава высшего руководства и особенностей национального самосознания представителей тех или иных национальных групп. Борьба с космополитизмом в послевоенные годы стала концентрированным выражением именно этих настроений. В качестве психологической базы национализм официальный использовал «темный» национализм — смутное архаическое сознание, присущее любой национальной субкультуре в виде реакции на неудовлетворенность жизнью и превращающее «их» во враждебную силу, угрожающую «нам». В этой связи нельзя не отметить, что неофициальный антисемитизм оказал определенное влияние на формирование русского национального самосознания в послевоенный период: статистика свидетельствует, что чуть ли не единственной национальной группой, численность которой резко сократилась с 1979 по 1989 год были евреи.

В балансе взаимоотношений «мы» и «они» никогда не исчезает возможность концентрации внимания только на «мы» и восприятия «их» в качестве враждебной силы. В такого рода дисбалансе и заключается феномен национализма. Наиболее мягкий его вариант связан с отождествлением задач Российского государства с интересами русской нации. Жесткие варианты национализма характеризуются агрессивностью и обращением к фашистской символике и идеологии.

В современной политической и духовной практике можно выделить три типа национализма. Первый из них отражен в работах А. Солженицына. В рамках этой концепции доминирующими компонентами русской культуры являются славянство и православие. Именно данные традиции и идеи должны быть положены в основу государственности и обустройства России. Идея евразийства чужда российской традиции и российским государственным интересам: она идет от Запада. Собственно Россия не принадлежит ни Западу, ни Востоку, ни Европе, ни Азии. Она неповторима в своем духовном своеобразии. Именно благодаря этому качеству она вписывается в контекст современной мировой культуры, которая состоит из совокупности доминирующих национальных культур.

Второй тип национализма опирается на геополитическую интерпретацию современной мировой политики и пытается определить российские интересы исходя из геополитического положения ведущих стран мира. Наиболее отчетливо этот вариант представлен в идее «броска на юг», выдвинутой В. Жириновским. Суть его — в переделе мира между США, Европой, Россией и Японией на «законные» сферы влияния. При этом каждая из доминирующих держав распространяет свое влияние в южном от себя направлении. Россия при реализации этой концепции должна выйти к берегам Индийского океана.

Третий тип национализма — весьма странный симбиоз между идеями российской государственности и могущества социалистической державы. Он основан на концепции отождествления России и Советского Союза, на стремлении интерпретировать историю СССР как эпизод российской истории, а сам Союз как форму существования именно российской государственности.

Последние годы свидетельствуют, что открывшиеся шлюзы вынесли на поверхность общественного сознания множество достаточно опасных экстремистских националистических тенденций. Скандальная деятельность широкоизвестных экстремистских националистических групп («Память», «баркашовцы» и др.), победа на парламентских выборах 1993 года ЛДПР, ее второе место на выборах в декабре 1995 года свидетельствуют о распространенности и влиянии националистических настроений в обществе. Во многом это связано с непониманием многовариантности негативных последствий, которые могут обнаружиться в том случае, если правящие политические группировки превратят национальную идею в средство упрочения власти и достижения общественного консенсуса.

Ориентация российской государственной политики на национализм в любых

Мнения о влиянии национальной принадлежности человека на отношение к нему (%)

Ситуации	Да, влияет	Не могу сказать	Нет, не влияет
При знакомстве	12,2	9,1	70,6
При выборе круга друзей	14,6	19,6	65,2
При выборе места	37,9	16,5	35,3
При решении вопроса вступления в брак родственников	26,3	17,1	47,1
При решении вступить в брак	32,4	14,7	43,4

его вариантах неизбежно приведет к откату назад, к воспроизводству архаичных форм сознания. Эту тенденцию можно переломить лишь последовательным формированием комплекса общегражданских ценностей как основания цивилизованного взаимодействия между многообразными культурными ценностями и традициями, связанными с этническими компонентами национальных сообществ.

В сложившихся условиях чрезвычайно важно зафиксировать действительную меру национализма, выяснить, в какой степени идея враждебного противопоставления «мы» и «они» в русском национальном самосознании пробилась себе дорогу. Выше мы зафиксировали, что только 8% респондентов избирают этноцентристскую позицию при ответе на вопрос о причинах межнациональных конфликтов, т. е. считают их неустрашимыми, так как вся история — борьба этнических групп между собой. Теперь рассмотрим данные, свидетельствующие о степени жесткости национальной идентификации.

Мы поинтересовались мнением респондентов о целесообразности сохранения пункта о национальной принадлежности в новом российском паспорте. Ответы распределились следующим образом: более трети (37,3%) согласились, что указание на национальность в паспорте следует отменить; 30,5% опрошенных полагают, что отметку в паспорте о национальности следует оставить, а 27,7% заявили, что им «все равно».

Поскольку большую часть отвечавших (свыше 80%) составляли русские, можно сделать вывод: подобное безразличие говорит об отсутствии у них ощущения угрозы своей национальной идентичности. Среди тех, кто хотел бы сохранить графу о национальности в паспорте, были и русские, понимающие национальность как этничность и не желающие проникновения в русский народ представителей других этносов, и представители национальных меньшинств, озабоченные сохранением своей этнокультурной самобытности и прав, опасаящиеся, что они могут раствориться среди большого народа в случае, если их самобытность и права (а возможно, и некоторые льготы, которые имели в СССР представители малочисленных народов) не будут надежно защищены.

39,5% респондентов согласились с тем, что взрослые граждане должны иметь право законно менять свою национальную принадлежность по личному выбору, а 32,4% отстаивают традиционную точку зрения о невозможности изменять по собственному усмотрению «природный», данный от рождения фактор. Наконец, значительное число опрошенных (22,9%) проявляет колебания.

Достаточно показательны для выявления националистических установок ответы, приведенные в таблице. Из нее видно, что «ненационалистическую», общегражданскую позицию избрали от 35% до 71% опрошенных, а от 12% до 38% заявили о своих этноцентристских позициях. Примечательно, что особо важным национальный компонент становится при систематическом общении по месту жительства. Он оказывается более значимым, чем степень близости с лицом иной национальности, которая обусловлена брачным союзом.

Приведенные данные подтверждают тезис о сравнительно низком уровне национальной нетерпимости, характерном для русских, об их благожелательном

отношении к другим народам. Важно, что объектом измерения стали не декларативные абстрактные установки, а конкретные проблемы, раскрывающие меру терпимости к людям иного этнического происхождения в повседневной жизни. Это не ликвидирует опасности массовых националистических вспышек в кризисной ситуации. Но она может быть признана достаточно серьезной для общества в целом лишь в том случае, если националистические установки и тенденции, экстремизм националистического толка станут элементами национальной политики государства.

Национальная политика должна быть отрефлексирована

В российской политике на первый план выходит проблема государственного самоопределения. От ее решения зависит выбор той или иной национальной политики и стратегии поведения в конфликтах и конфликтных ситуациях. К сожалению, пока здесь преобладают интуитивные поиски линии поведения, а амплитуда ее колебаний отражает несформированность современной российской государственной идентичности. Двуглавый российский орел, обращенный и на Запад, и на Восток, как бы символизирует две несогласованные политики. Они могут или проводиться одновременно, или быть разделенными во времени. В последнем случае образуются как бы колебания в ту или иную сторону. Секрет, однако, в том, что речь идет не о восточной и западной ориентациях, а о колебаниях между различными типами социального действия и, соответственно, политического поведения.

С одной стороны, государство, по крайней мере неявно, склоняется к отказу от значительных территорий, как бы соглашаясь трактовать эту утрату в виде предпосылки для перехода к интенсивному социальному воспроизводству. С другой — сделав этот решительный шаг и без борьбы и конфликтов отказавшись от территорий, государство тут же делает шаг в сторону восстановления в правах «имперской ориентации» в политике. Начинает разворачиваться борьба (пока идеологическая) за возврат территорий, понимаемых как утраченный для общества ресурс. При этом не рассматривается способность его освоить, интенсифицировать общественное воспроизводство на данной территории и т. п. Соответственно, начинает складываться и идеология реванша, где цели развития подменены типично традиционалистской точкой зрения, считающей достаточным не эффективное использование и освоение, но лишь владение ресурсами.

Одна из главных проблем формирования национальной политики заключается в выборе ориентации, который должен быть осуществлен не только узким кругом политических деятелей, но и обществом в целом. Как показывает анализ приведенных выше данных опросов, общество остается расколотым по всем фундаментальным вопросам национальной проблематики. Выясняется, что сравнительно большая степень согласия наблюдается лишь по вопросу о причинах межнациональных конфликтов, которые общественное мнение относит на счет политической элиты. Существенный показатель — весьма низкая степень ориентации на собственно этнические характеристики, сопряженные с архаическими ценностями. Отсюда можно сделать вывод, что дальнейшее развитие российского общества и решение задач строительства государственности связаны в первую очередь с уровнем политической культуры населения, прежде всего политической элиты, с пониманием ею государственных и общеполитических задач.

Поиск меры в соотношении массовых ценностей общественного субъекта и ответственного политического действия, выражающего эти ценности, но не апологетизирующего их, требует разработки рефлексивной политики в области национальных отношений. Такая политика повышает значимость идеи взаимопонимания, диалога, приоритет политических методов решения этнонациональных проблем над военными, актуализирует средства и методы, которые способны усилить роль рационального компонента в политике. Важно также поднять роль науки как средоточия рациональности, социологического анализа, могущего вы-

явить и рационализировать качественное своеобразие национального характера, культурно-исторических сдвигов в национальной психологии, значение культуры, традиций в образе жизни, мышлении людей, субкультурные различия, особенности политической культуры и т. д.

Важным приоритетом рефлексивной политики является правовая регуляция конфликтных ситуаций. В соответствии с этим особую роль играют новая Конституция Российской Федерации и сотрудничество на ее основе регионов с Центром. Несмотря на всю влияние традиций имперской государственности, на инерционный опыт фактически унитарного союзного государства, постепенно пробивают дорогу идеи асимметричной федерации, допускающей двусторонние договоры между ее субъектами. Не менее существенным, с нашей точки зрения, является качественное повышение интеллектуального, прежде всего научного, обеспечения решений в области национальной политики.

Перспективной познавательной стратегией в изучении межнациональных конфликтов является социокультурный подход, активно развивающийся сейчас в гуманитарных и социальных науках. Его применение открывает важные ориентиры для анализа условий, средств и целей, выбираемых тем или иным национальным движением, позволяет сделать допущения о возможных степенях его конфликтности, реалистичности целей. На такой основе можно разрабатывать долговременные гибкие стратегии, делающие упор на качественные параметры того или иного социального субъекта, этнонациональной группы с учетом необходимой дифференциации и детализации.

Одной из конкретных задач, рассматриваемых в рамках социокультурного подхода, выступает решение проблемы преемственности, связи традиций и инноваций, осмысляемых в контексте мирового исторического опыта сосуществования государств. Важным аспектом этой проблемы, имеющей нравственный и правовой смысл, является ответ на вопрос, считает ли себя новая Россия в некоторых аспектах ответственной за союзную и даже царскую государственность либо начинает государственную жизнь «с чистого листа». От ответа на него зависит и решение проблемы о мере ответственности России за разрешение конфликтов, возникших на основе статусных и территориальных притязаний на территории бывшего СССР. В плане данной ответственности и должны быть осмыслены национальные интересы России как государства в этом регионе мира.

Однако пока определенного ответа на данный кардинальный вопрос нет, и именно здесь кроется источник колебаний практической политики Российской Федерации, до сих пор не определившей, куда простираются интересы российской государственности и в каких именно формах они должны защищаться. По-видимому, ни теоретические рассуждения, ни исторические обоснования не смогут в ближайшее время предоставить решающие аргументы в пользу того или иного выбора. Последний может быть осуществлен только совместными усилиями всех государств, входящих в СНГ, что является важнейшим фактором общей стабилизации ситуации в каждом из его государств и в этом регионе мира в целом.